

Олег РЯБОВ

г. Нижний Новгород

рассказы

НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ

Лесо- ву- шки

Когда большую жизнь проживёшь, — я имею в смысле не важную и не в государственном плане значительную, вроде как министром или космонавтом, а просто длинную, — то в голове у тебя какие-то воспоминания начинают просто накладываться, складываться и путаться. И это не старческая деменция, а просто очень много похожих ситуаций в жизни случилось. Эти схожие события и факты как-то склеиваются друг с другом. Вот довольно часто вспоминаю красивые-красивые стройные женские ножки в мини-юбке на эскалаторе, а где и когда я их видел — не помню: то ли в Париже, то ли в Москве. И почему я их запомнил — тоже не помню!

Всегда считал, что я тонул пять раз, а сейчас стал вспоминать и вспомнил только три. Первый раз — мне семь лет было, мы переправлялись с родителями на лодке через Волгу на веслах. Я заигрался, вывалился во всей одежде за борт лодки, и меня затянуло течением сразу же под баржу-самоходку, стоявшую на якоре, мимо которой мы проплывали. Мама бросилась за мной, где-то под водой поймала меня и вынырнула уже с другого борта той стоящей баржи. Спасла. А в наказание меня голого, без трусов заставили идти по всей деревне домой — стыдно было очень.

Ногу у меня впервые, как на грех, свело, когда я купался в бассейне. Мне было пятнадцать лет. Я очень испугался — и не представлял, каким человек становится беспомощным, когда у него сводит ногу. Мой друг Сашка Пыжьянов сидел на бортике бассейна

и увидел мои испуганные глаза: от страха я даже кричать не мог. Потом моя голова скрылась под водой. Сашка прыгнул и подтянул меня за волосы к бортику, но я всё равно тогда здорово нахлебался.

А в третий раз мы с братом и небольшой компанией друзей поехали из Судака купаться на Царский пляж: там «золотые пески». Я зашёл по колено в море и нырнул, разведя в воде руки в стороны. Не видел я, что на дне недалеко от берега лежит приличных размеров кусок скалы. Я врзался в этот камень прямо лбом и улёгся на дне моря буквой Т, выпустив пузыри воздуха и активно окрашивая воду кровью. Она мутным облаком неторопливо окутывала мою голову. Брат увидел всю эту картину, зашёл по колено в воду и, взяв меня за щиколотки, вытащил на песок. Воды я снова нахлебался, но не настолько, чтобы причинить проблемы моим спасателям.

А к чему я про то, как тонул? А к тому, что не знаю, к какому виду напастей отнести тот факт, что я несколько раз в болоте вяз. И так по-серьёзному вяз, что даже небо уже вспоминал, однако обошлось. Ведь говорят же: «утоп в болоте». Так вот интересуется меня: вязнуть в болоте — это то же, как тонуть, или уже как-то по-другому считается?

Интересует меня и волнует этот вопрос теперь почти каждый день, потому что в огороде моём уже много лет растут пять пихт самых настоящих и три очень красивых ели каких-то редких незнакомых сортов, но видно, что это ёлки, и притом не наши! Растут они прямо на том месте, где у матушки моей когда-то грядки были со свёклой, морковью и луком. И выросли они сами. Участок у меня приличный, соток двадцать, а они на краю участка растут — там заброшенный теперь угол такой.

Так вот, в этом году под этими моими домашними ёлками и пихтами, которые уже намного выше моего роста, рыжики выросли — двадцать штук. Как же они красиво выросли! На изумрудной плотной невысокой травке они горели золотыми медалями. Я их срезал, а через три дня там ещё двадцать три штуки. А ведь рыжик — гриб редкий и привередливый. Я бы сказал даже, что он капризный. В наших заволжских лесах, уж на что заповедных и не

истоптанных, и то рыжик появляется в приличных количествах — таких, чтобы насолить и на базар отнести пару корзин, — раз в пять-шесть лет. А так, чтобы ежегодно, — не бывает! Ну, найдут два или три гриба на весь район, а район-то у нас не в одну тысячу квадратных километров.

И вот что интересно! Почему я заволновался-то? Первый раз, когда я обнаружил эти свои грибы под ёлками, я подивился и обрадовался, срезал их — вроде и всё! А вот во второй раз, через пару дней, когда я вошёл в лесок этот свой домашний, ощутил я какое-то волнение: будто в дремучий древний бор забрёл. А вы представляете, что это такое? Это когда сумеречно становится вокруг, звуки пропадают или куда-то далеко-далеко отступают и какая-то загадочность начинает тебя окружать, и ты физически начинаешь ощущать всё это.

И птицы вдруг перестали петь, и солнце за какую-то чёрную тучу зашло. И где оно эту тучу только нашло?

Так вот, стоя на своём огороде, я вдруг заволновался: а найду ли я дорогу домой, а не заблудился ли я? Глупость, конечно, только такое чувство меня в тот момент накрыло! Ёлочки у меня там все как с картинки, рослые такие, будто ребёнок нарисовал, если издали, с крыльца смотреть, и трава там не газонная, а луговая или лесная, ровная и не безумной высоты, а как раз. Ещё я понял, что это только с крыльца мои ёлочки как с картинки, а внутри за те десять лет, что моему лесному уголку исполнилось, уже образовался свой серьёзный лесной мир!

Случилось со мною десять лет назад вот что.

Дом мне в деревне по наследству от матушки достался, и что с ним делать, в тот момент я ещё не знал. Продать его — как друга предать: всё моё детство с ним было связано, это я только после армии городским жителем стал. Оставить себе — непонятно зачем, и забот столько будет с этим домом, что про то настоящие городские и не представляют. Но оставил — подселил туда бесплатно вдовушку одну деревенскую нашу, чтобы присматривала да печку подтапливала, а летом приезжаю сам за грибами, за ягодами, за охотой, редиску в огороде посадить или с друзьями вина попить да шашлыков поесть.

И вот прознал я тогда совершенно случайно от старожилы нашего деревенского Ивана Яковлевича — или дяди Вани, как его все у нас в деревне зовут, — про одно совершенно секретное и заповедное место, где можно хорошо брусники и клюквы взять. То есть столько там ягод, что на грузовике приезжай — и кузов быстро накидаешь. Только место то болотистое и без заговора туда не пройдёшь. Он даже заговор мне этот свой тогда сказал, только я его позабыл тут же. Знаете, чудачки свои в каждом местечке, в каждой деревне есть. Я и в голову тогда не взял те дяди Ванины слова. Тем более, что он большим фантазёром был, хотя и знатоком всех местных лесных угодий: лет сорок в лесниках прослужил, а теперь уже на пенсии. Сглупил я тогда, что про заговор у него не переспросил, про слова те заповедные, нужные — пригодилось бы, потому что нашёл я то место, и совершенно случайно.

Заблудился я. Бывает такое в наших местах, и бояться этого нечего. Хотя многие паниковать начинают, когда с ними такое случается. Поехал я на своем «Патриоте» прогуляться за грибами в район Чёрного болота: есть у нас место такое и грибное, и для охоты удачное, если кто вальдшнепиную тягу любит. Погода стояла солнечная, отличная, нежаркая. С трассы по вырубке с полкилометра в лес проехал, а дальше — пешочком: низина, березняк, осинник. Грибов, беленьких и подосиновиков, наломал я с полкорзинки и собрался уже домой, когда понял: что-то не то!

Почему не то? А потому, что такого я не видел никогда и не представлял, что может быть наяву: передо мной до самого дальнего леса раскинулась зелёная, просто изумрудная поляна с редкими осинками и голыми шестами давно погибших, подгнивших на корню молодых берёзок. А рядом стояли пять небольших зелёных кочек с полметра высотой, сплошь обсыпанных красными ягодами, это была брусника. Я аккуратненько грибы под ближайшую берёзу высыпал и — не поверите! — за двадцать минут большую грибную корзину-боковушу набрал доверху, даже с пяток белых грибов положить было некуда.

Сразу-то я не сообразил, что попал в самое что ни на есть пекло: на то самое Чёрное болото, про

которое просто позабыл, а точнее — даже и не думал про него. Говорили же бабы в деревне, что надо было его называть Зелёное болото, а не Чёрное. И, как только я это понял, у меня начались проблемы. Тут же! Я сделал шаг и провалился по щиколотку. К тому же небо всё дымкой затянулось или тучками, и дождик стал накрапывать, и главное: я перестал понимать, откуда я пришёл и куда надо идти! Голова стала немножко кружиться, а в глазах картинка если не раздвоилась, то как-то удалилась. Правда, я успел понять, что это у меня от метана — болотного газа, который на болотах выделяется. Я знал, что он не пахнет, но при отравлении им нарушается координация движений и происходит потеря пространственного ориентирования.

Надо было срочно убираться с этой поляны, но непонятно было, в какую сторону двигаться. В одну сторону до кромки леса было метров триста, а в другую — зелень тянулась до горизонта: там, где-то на горизонте, что-то чернело. Кроме того, сделав второй шаг и провалившись в чёрную жижу уже по колено, я понял, что просто так отсюда не выберусь!

Запомните эти слова: «Хозяин лесной, помоги, не погуби!»

Я закрыл глаза и пошёл, повторяя эти пять слов как заклинание раз за разом, тысячу раз, пока не ощутил себя в нормальном дремучем лесу, где надо было смотреть под ноги, чтобы не упасть, и беречь глаза, чтобы их не выкололи ветки. Конечно, и грибы, и корзинку с ягодами я где-то оставил. А ещё я потерял хороший охотничий нож и документы на машину, которые мне пришлось потом долго и с большими трудностями восстанавливать. И ещё: теперь я знал, что мне кто-то помог! Я это знал точно, потому что ощущал это физически в те минуты, которые шёл непонятно откуда и непонятно куда с закрытыми глазами.

Знакомого ядовитого цвета лужайку метров на сто квадратных я обнаружил через несколько дней в дальнем заброшенном углу своего участка, на нём торчало пять небольших бугорков размером с полулитровую банку. Они были небольшие, но достаточные, чтобы их можно было называть даже кочками. Я хотя и начал волноваться по поводу происхождения лужайки, потому что всё же ожидал какого-то продолже-

ния моей истории лесной, но предпринимать активные действия по отношению к ней пока не стал. Тем более что через пару дней я обнаружил, что из каждой кочки проклюнулся наружу росточек какой-то. Что это было: сосна, кедр или простая ёлка — пока что было непонятно, но скорее всего всё же что-то благородное.

Для того чтобы поделиться и похвастаться своими лесными приключениями, я пригласил к себе в гости дядю Ваню. Полянку эту мою новую не скроешь, запахивать её я не осмелюсь уже, а разговоры всё равно пойдут — нашу деревню надо знать.

Дядя Ваня пришёл со своей «четвёркой», хотя я сам планировал его угостить. Мы и его четвертинку выпили, и мою бутылку ещё. Рассказ мой про лесные мои плутания на болоте он выслушал с полным недопониманием и смотрел на меня как на идиота, а может, как идиот, то есть без эмоций. Мой участок он оглядел с большим интересом и сообщил про мои кочки уверенно:

- Это лесовушки!
- Что значит «лесовушки»? — спросил я.
- А вот слышал про лешего, который лес охраняет и который тебе помог?
- Слышал, — ответил я.
- Так вот у него есть вроде как дети... Зовут их лесовушками. Он тебе пять своих лесовушек на воспитание отдал. Так что следи за ними.

Потом дядя Ваня, нагнувшись, внимательно и как-то уж очень долго рассматривал росточки, проклюнувшиеся из этих зелёных кочек:

- Это пихты, — объявил он мне, — ты, смотри, не загуби их. От этого... как бы тебе сказать... твоё благополучие, что ли, зависит. Это тебе леший наш местный на пробу отказал, на воспитание, проверить тебя... чтобы ты их берёг и охранял. Кочки эти лесовушками и называют, это и есть дети его. А напomini мне те слова, что ты в лесу шептал.

- Хозяин лесной, помоги, не погуби!
- Вот-вот, спасибо, надо запомнить их! Не знал я такого.

А когда мы прощались с дядей Ваней уже за калиткой, на улице, он переспросил у меня те слова заповедные ещё раз и снова сказал, что он их обязательно запомнит.

Март. На улице отчётливо запахло весной, а коммунальщики шпарят так, что до батарей отопления не дотронуться. У нас дом старый, тридцатых годов постройки, и разводка отопления старая, без регулировок и вентиляей — вот и приходится температурный режим в квартире выдерживать с помощью открывания окон и форточек. Сегодня проснулся от безумного орва: грачи прилетели и столько шума от них! Зимой тут на берёзах появлялись и вороны, и галки тоже потихоньку каркают, что-то обсуждают, но как-то более скромно, а эти — просто хозяева.

Птиц у нас во дворе много — всю зиму можно любоваться. Пока морозы, на берёзах гроздьями виноградными чечётки висят, прямо вниз головами. Когда сугробы февральские устоятся, начинают из леса навеваться снегири парами, тройками, и щеглы так же. Потом толпой свиристели налетят — всю калину и рябину расклюют, и это значит, что зиме скоро конец. Ну, а синицы круглый год тут свистят — я им в особые холода кусочки сала на веточки вишен накалываю.

У нас двор удивительно зелёный для центра города: когда-то, полтора века назад, он был частью территории огромного парка графини Анны Георгиевны Толстой, супруги обер-прокурора Святейшего Синода. Ей, дочери взысканного знаменитого князя Грузинского, самодура лысковского, поклоннице и покровительнице Гоголя (у неё в московском доме жил он последние четыре года, и рукописи свои

там сжег, и скончался), принадлежали когда-то эти городские земли. А аккуратенький отреставрированный особнячок её можно до сих пор при желании разыскать в глубине одного из ближайших дворов.

Наверное, с тех самых незапамятных пор изобилие это зелёное у нас во дворе сохранилось, а может, и сами жители поддерживают такое богатое состояние растительное. Любопытства ради я пару раз пытался сосчитать количество видов деревьев и кустарников, растущих в нашем дворе, но каждый раз после тридцати спотыкался — не очень хорошо я разбираюсь в нашей флоре. Но цифра всё равно впечатляющая.

Давно я в этом доме живу — уже и не помню, с какого года. Детей здесь вырастил: сына женил, дочку замуж выдал. Собаку мы с супругой завели для личного общения, тоже пятнадцать лет с нами жила, отравили её сволочи какие-то, и похоронил я её в лесу. И вот после этого всё и началось — я про домового.

Каждому нормальному человеку понятно, что за здоровье членов семьи, в том числе и домашних животных, отвечает домовая. А тут он, видимо, где-то что-то проморгал, и случилась эта беда с собачкой нашей. С другой стороны, у меня мелькала мысль, что это мы сами как-то не очень внимательно стали относиться к нашему домовёнку, и потому он и стал к нашему домашнему благополучию относиться не очень внимательно, а попросту говоря — спусти рукава.

Многие люди — да большинство из нас! — даже не задумываются над тем, как поживает и в чём нуждается их благодетель — их домовая. Так и я в советском вакууме атеистическом продолжал жить все эти последние годы. А напрасно!

Обнаружил я как-то, что в кухне на окне, точнее, на печке СВЧ, которая стоит там на широком подоконнике, пристроилась тряпичная кукла — сидит, поглядывая в окно. Даже и не кукла это, а такая самодельная детская игрушка, какими, наверное, играли некрасовские крестьянские дети: плоская голова, набитая ватой, озорные круглые, нарисованные чернильным карандашом глаза, прядь волос из пакли, красная рубашка в белый горох и руки-ноги в стороны торчат.

— Это что за чудо-юдо у нас на кухне на подоконнике сидит? — спросил я супругу.

Она сходила на кухню и вернулась довольно удивлённая.

— Странно, — сказала она, — эту куклу подарила мне одна девочка лет сорок назад в Большом Болдино, где мы были на картошке. Это ещё в студенческие годы. Мы у них там на постое в избе жили. А с хозяйской девочкой маленькой (не помню, как её зовут!) мы подружились, а при прощании она мне и подарила эту куклу свою самодельную. Только вот где она, кукла эта, скрывалась все эти годы — не знаю! Странное чувство образовалось во мне при виде её.

— В смысле? — спрашиваю супругу. — В чем странность чувства твоего?

— Не знаю. Только пусть он там сидит, на подоконнике.

— Кто — он? Так это мальчик или девочка?

— Та девочка деревенская его Кузькой звала. Так что пусть он будет Кузькой.

— Так это же домовёнок Кузька, и рубашка красная в горох! Как же я не угадал! А Кузька — мордовский бог. Ты знала это?

— Слышала где-то. Только не пойму, где он жил все эти годы и почему скрывался?

— В смысле? — не понял я.

— Ну, я понимаю, что разыскали его в какой-нибудь коробке из-под обуви, в каком-то шкафу ребятишки наши, внучата в смысле, — предположила супруга. — После того как они втроём у нас собираются, я два дня убираюсь. Они же, начиная с твоего ящика с инструментами, где все эти пассатижи, ключи и отвертки с шурупами, и кончая моими коробочками и шкатулками для бижутерии с брошками и бурами, всё вывернут и перевернут. А парфюм я не успеваю прятать — после их набегов в доме такие ароматы вьются, как в магазине «Ив Роше». Так что это они Кузьку просто где-то нашли. Но почему они не нашли его раньше? Или он сам не хотел, чтобы его раньше находили? Ты знаешь, я сейчас вспомнила: та девочка деревенская звала его Кузька-доможил. А что это значит — непонятно: то ли от того, что он в доме у них жил, то ли он жадный? Помнишь, что в детстве мы жадных мальчишек и девчонок жилами звали?

– Помню.

Человек я хотя и крещёный, но к церковным обрядам малоприспособленный: если скажет супруга, что надо сходить в храм и службу заказать, то вместе ходим и службу закажем, и свечку поставим, и лоб перекрестим. Так же ко всяким домашним принципам и обрядам я отношусь: позабуду что-то дома – вернусь, а супруга обязательно заставит в зеркало посмотреться – я посмотрюсь, от меня не убудет, а ей приятно, что я её наказ выполнил.

А тут из-за Кузьки этого странное что-то во мне образовалось. Не как к человеку, не как к собаке, но всё равно как к какому-то субъекту я стал к нему относиться. Стыдно сказать, но я же стал с ним даже разговаривать иногда. И понимаю, что глупость делаю, а исправить ничего не могу: думаю, что это уже старческая деменция. Хотя дети со своими игрушками и куклами разговаривают, и никакой деменции там нет.

Супруга за Кузькой тоже по-своему ухаживает: после каждого праздника кусочек вкусенького ему поставит на кухне. Он, может, и не притронется, но то, что знак внимания не пропустит, – факт. А вот я как-то недоеденный надкусанный бутерброд с бужениной ему подсунул, так он ночью полку с посудой опрокинул: четыре тарелки и две чашки вдребезги расколотил. Он предупредил, а я внимательнее стал.

Все наши, кто живут в наших четырёх домах, образующих двор, машины свои на ночь тут же прямо во дворе и ставят – места хватает. Я тоже свою «Субару» под окном между жасмином и сиренью приспособился оставлять. И вот сколько лет здесь живу, а ни разу не слышал, чтобы у кого-то проблемы были с автомобилями: чтобы угнали или поцарапали, или резину сняли. А тут как-то в выходные с самого раннего утра звонок в дверь. Открываю – стоит Лидия Марковна, она у нас вроде как комиссар во дворе: всё про всех знает, за всем следит и всё контролирует. Она майор милиции в отставке, была председателем комиссии по делам несовершеннолетних когда-то, а потому мы стараемся её слушаться.

– Можно, – говорит, – пройти?

– Проходите, – отвечаю я ей.

Садится она в прихожей на табуретку и с ходу, без предисловий начинает рассказывать:

– Сегодня ночью была свидетелем страшной картины! Вы ничего не видели и не слышали?

– Нет, – говорю, – а что случилось?

– А вот что! Стою я у себя на балконе уже в первом часу и курю. Я всегда выкуриваю сигаретку на ночь. И вижу я, как два мужика на багажнике вашей машины устраиваются распиивать. Бутылочку поставили, стаканы из кармана вынули. Вы же ставите машину прямо под фонарём – так, чтобы ночью было её хорошо видно. Но этим двоим сегодняшним ночным тоже, видимо, захотелось под фонарём, чтобы всё хорошо видно было! Я думаю – кому звонить: вам или моим в милицию? И тут что я вижу: у вас на кухне окно открывается и из окна мужик здоровенный бородатый – глаза огнём горят, руки он свои лопатами выставил. А потом как гаркнет в мегафон на этих двоих! Они и бросились со всех ног со двора. Даже вороны на берёзах проснулись и разлетелись все. Вот давайте выйдем вместе на улицу, к машине – я покажу вам: там, на багажнике, все остатки их ночной гулянки, которую они недогуляли. Только что я к вам пришла-то? Спросить, что за мужик у вас ночью на кухне сидел? Не родственник ваш? Страшный такой да сердитый! И я же видела: глаза у него сначала точечками засветились, а потом вообще как фары галогенные самые яркие, как прожектора!

– Да был у меня гость вчера... – отвечаю я Лидии Марковне, чтобы как-то замять разговор, а сам думаю: «А не сошла ли она с ума? О каком мужике она говорит?»

Говорю я, а сам думаю, как бы выпроводить её побыстрее... Но чувствую, что ей хочется ещё и на кухне побывать, посмотреть – а не проживает ли там бородатый и здоровенный мужик.

– Лидия Марковна, – говорю я ей, чтобы успокоить, – зайдите на кухню, посидите минутку, пока я пиджак и ботинки нацеплю на себя.

Она зашла на кухню, всё быстренько осмотрела и тут же выпорхнула назад в прихожую. На нашего Кузьку-доможила, который, как всегда, сидел на подоконнике, поглядывая во двор, она, конечно, внимания не обратила, а я

к тому моменту стал сильно сомневаться в безумии Лидии Марковны.

Спускаясь по лестнице из квартиры во двор, я уже начал подозревать в ночном происшествии нашего домовёнка — в том, что он действительно кого-то со двора прогнал. И в том, что наша добровольно-дворовая комендантша приходила к нам в квартиру, чтобы убедиться в её чистоплотности, не было ничего удивительного, потому что ночное происшествие она не выдумала.

Мой «Субару» стоял под окном, и на багажнике его были аккуратненько расставлены открытая бутылка виски «Джонни Уокер», два наполовину наполненных пластмассовых стаканчика и два помятых бутерброда с размазанными остатками красной икры. Лидия Марковна не соврала и не нафантазировала. Мои соображения о ночном происшествии в третий раз поменялись, и на этот раз кардинально. Я сунул бутылку в карман пиджака, выплеснул из стаканчиков жидкость и бросил бутерброды в кусты — собаки или птицы съедят.

— Лидия Марковна, большое спасибо за бдительность, — обратился я к нашей соседке по двору и пожал её руку.

— Да ничего, работа у меня такая, общественная, — ответила Лидия Марковна.

А сам я пошёл в угловой магазин «Спар», чтобы купить мороженое. Мы-то с супругой мороженое не очень, а вот домовёнок мой — не знаю. Но внимание всегда приятно.

Супруга по-прежнему спала, а я прошёл на кухню и поставил брикет с угощением на подоконник рядом с Кузькой. Знаете, что я заметил? Рядом с ним лежал треснутый детский старинный пластмассовый мегафон, который работает от специальных батареек, которых давно уже нет в продаже, и сам мегафон этот игрушечный непонятно откуда взялся — дети-то уже давно выросли, хотя помню, как я его покупал в магазине «Сказка» лет двадцать назад. Мне стало понятно, как домовёнок наш, Кузька, сумел громовым на весь двор голосом разогнать отдыхавших ночью мужиков.

ШИШОК

Когда я был маленький, мы каждое лето ездили в деревню на дачу.

Мама в конце апреля со своими подругами, тётёй Ниной и тётёй Тасей, а может, когда и ещё с кем-то, ехали в одну из пригородных так называемых дачных деревень снимать дом на лето; это могла быть и Киселиха, и затон Калининна, и Татинец. Снималась часть жилого дома или общественное строение вроде школы на два-три летних месяца с предоплатой, оговаривались и дополнительные условия вроде ежедневной крынки настоящего деревенского коровьего молока и десятка яиц или возможности покататься на лодке.

Но самое главное, что ехали в одну точку несколько знакомых между собой семей, чтобы было и дружно, и надёжно, и интересно совместно проводить время.

Ездили летом отдыхать и в Кулагино, и в Разливайку, но помню только названия такие, а где они, эти деревни, теперь уже и не знаю: начал как-то искать их на карте области и не нашёл. А всё потому, что давно это было. Я ведь, как только из подросткового возраста в пацанский перешёл, отстранился и от мамы, и от папы, и от семьи, и пошёл враз-

нос по своей самостоятельной жизни, позабыв и наплевав на детство. Только уже в пору зрелости, или, точнее, наверное, старости, любопытно стало мне, а что же сделало-то меня таким, как я есть теперь, и хочется вспомнить, установить, уточнить всё, что было со мной с самого детства.

Ну, и потом ещё мнительность моя заставляет меня вспоминать всё это. Всякие там приметы, предчувствия, условности, совпадения, вещие сны. А ведь за всеми этими потусторонними движениями мысли стоят нечистые силы разного рода. Вот эти силы тоже двигают мной сейчас.

Легко людям ортодоксально верующим: у них всё по полочкам разложено и объяснено. Только ведь такая искренняя религиозность должна быть врождённой и даже наследственной. А когда татарин — бах! — и в иудаизм переходит, а православный ни с того ни с сего — в католичество, то тут не о религии стоит говорить, а о рассудочности или меркантильности такого поступка. А может, о болезни головного мозга.

Мама у меня учительницей была — отпуск большой, почти всё лето. Вот всё, да не всё! Потому в начале лета мы обычно ехали в деревню с бабушкой, а родители присоединялись к нам уже попозднее. И вот в тот год, о котором я сейчас вспоминаю, приехала мама к нам в деревню, когда у неё занятия в школе уже закончились, а у папы отпуск вообще ещё только в августе планировался. И что-то сразу же не понравилось маме в нашем отдыхе, и что-то стала она выговаривать нашей хозяйке, даже в дом не заходя. Как сейчас помню: соседку, а по совместительству и хозяйку нашу, звали тётя Паня. А жили мы тогда не в хозяйском доме, а в каком-то вымороченном, но по наследству всё равно доставшемся этой родственнице-соседке.

Мама моя умела быть и очень простой, прямо девкой деревенской, а могла и очень строго поставить себя, просто царицей независимой — видимо, профессия учительская сделала её такой. Так вот, когда она простоту на себя накидывала, то звали её все Милочкой или Люсенькой, а в строгости — требовалось на-

зывать её только Людмилой Ивановной. И мама сама за этим очень внимательно следила и умело регулировала.

Как хозяйка тётя Паня от себя строгость мамину в тот год отвела, я точно помню.

Мама всегда особо обговаривала условия пользования баней, предварительно осмотрев её; какое-то значительное место она отводила этому пункту договора. По крайней мере, я точно помню, как она необычно изменилась и стала деликатной и стеснительной, только хозяйка заикнулась, что надо пойти и посмотреть баню, которая стоит у неё в огороде на её соседнем участке.

— Хотя, — заметила тётя Паня маме, — есть ещё и баня, которая принадлежала когда-то хозяевам этого дома, который вы сейчас на лето снимаете. Только топится она по-чёрному, и стоит она на берегу ручья, и не пользовались ей уже года три, но её тоже можно сходить и посмотреть. Вон её видно на задах, за усадом.

Тут мама уже вообще расплылась и стала снова Люсенькой, а не Людмилой Ивановной, заявив, что умеет топить баню по-чёрному и хочет попользоваться ей. Зачем понадобилась маме та баня по-чёрному — не знаю, только пошли они для начала смотреть всё банное хозяйство к тёте Пане в огород.

Баня соседкина — вот она, за оградой, сразу видно; а та, что по-чёрному топить надо, про которую она заикнулась только что, её тоже видно: она вдали, метров за сто, — маленькая, чёрная, приземистая, на берегу ручья местного стоит, который тут же впадает в речку Узолу. Сколько раз мы с Владькой мимо неё, бани этой, пробегали, когда купаться ходили. Владька — это маминой подруги, тёти Нины, сын — мой ровесник, мы с ним всё время вместе в деревне проводили. Хотя вот теперь, спустя столько лет, я и не знаю, как правильно его звали: то ли Владимир, то ли Владислав, то ли Вадим. Мама звала его Владиком, и я его звал просто Владькой.

На другой день ходили мы все вместе за земляникой, мама варенья наварила. Сходили за маслятами — тоже удачно. А где-то дня через три или четыре, а может, и через неде-

лю мама решила исследовать ту баню, что по-чёрному.

Пошли с мамой и мы с Владькой — любопытно всё же. И, когда мама брала у соседки ключи от бани, та маме и говорит:

— Только учти, Людмила Ивановна, шишок местный очень сердитый. Повнимательней ты будь с ним. Но, если тебе всё понравится, скажи — и мой Николай воды туда вам натаскает из речки, и дров тоже, и натопит даже.

Николай — это сын соседки, мужик молодой, три года после армии как пришёл. Он пусть и небольшого роста, но крепкий и улыбочивый — всё смеялся, что пока ещё не всех девок в деревне перещупал, а потому ещё и не женится.

Мама у меня была очень красивая. И это не сугубо моё личное мнение, сыновнее, а вполне объективный факт: я видел, как посторонние мужики оглядываются и смотрят на неё, смотрят с восторгом и удивлением. Николай соседский тоже на маму с интересом посматривал, хотя и величал её по имени-отчеству.

— А что за шишок такой? — спрашивает у тети Пани мама.

— Ну, мы так по-местному банника зовём. Так вот банник, или шишок, у соседей моих в той бане старой был очень сердитый... старый и сердитый, помню я. Не знаю, как теперь, но ты будь поосторожнее.

— Хорошо, — отвечает мама, — с банником, или с шишком вашим, я сама договариваться буду.

Мне вроде бы интересно было, кто такой шишок или банник, — я даже поинтересовался у мамы; вот теперь жалею, что надо было поподробнее. А я только спросил:

— Мам, а кто такой банник?

— Банник? А это дух такой, который следит за баней, чтобы порядок в ней был.

— И всё?

— Да вроде всё, — ответила мама, — только всё равно надо определённым образом уважать его, знаки внимания ему оказывать.

— А ты какие знаки будешь ему оказывать?

— Ну, во-первых, он грязь любит, а потому, убираясь в бане, я оставлю ему под полком или в углу старые листья, облетевшие с вени-

ка, и остатки старой мочалки. И ещё я ему подарок приготовила: кусок земляничного мыла, я его тоже намочу и там на полу оставлю для него.

Подход к баньке весь крапивой да полынью, да дикой малиной колючей зарос — чуть протоптались мы к двери. У входа куча булыжников навалена — может, для каменки, а может, ещё зачем-то. А в баньке и грязь, и темень, и паутины полно всякой, и тесно, чан железный вполовину комнаты. Мы с Владькой убежали играть, а мама осталась убираться.

Вечером Николай соседский и воды, и дров натаскал. А топить баню, париться и мыться решено было на другой день. Троицу только что отметили — веники берёзовые, свежие прямо в перелеске мы с Владькой нарезали. Баню с утра мама натопила; как баню по-чёрному готовят, я тут расписывать не буду.

После обеда мыться пошли. Мама там действительно порядок навела: около баньки вместо завалинки оказалась лавка из еловой широченной плахи, на которой сидеть очень удобно. Ступеньки в баньку тоже оказались капитальные, из двух коротких, но массивных плах, укреплённых «дикарем», — так булыжники в деревне называют, которых в полях осталось со времен мирового ледника очень много. Траву с крапивой мама вокруг всю повыдрала, так что вид приличный образовался.

В бане нам с Владькой не понравилось: в предбаннике лампа керосиновая — «летучая мышь» на столе, в парилке в углу бак с водой, которая кипит, жарко, сыро, грязно, глаза ест. Владька орать начал и плакать. В те времена в женские бани пускали мальчиков с мамами только до пяти лет — я помню. А мы с Владькой уже вроде как взрослые, во второй класс перешли. Мама с тётей Ниной в рубашках ночных; нас намазали они, вытерли, трусики чистые надели и выпроводили на воздух. Разрешили нам сходить на речку искупаться, но мы не пошли. Сидим на лавке, что вдоль бани стоит. А тут идёт Николай соседский и садится рядом с нами — вроде как поболтать.

Проходит какое-то время, и выходит из ба-

ни на свежий воздух моя мама. Она простыней белой только прикрыта была, и то не полностью. Встала она розовая, распаренная в двери в предбанник открытой, прямо богиня древнегреческая. А Николай сидит рядом с нами и смотрит на неё очумевший, и рот открыл.

Мама заметила его и говорит:

— Николай, а ты не ослепнешь? Вроде не мальчик — в женские бани-то заглядывать! У тебя столько девок по деревне, а ты!.. Смотри — моему баннику, или шишку по-вашему, не понравится это. Смотри, накажет он тебя. Твоя матушка говорила, что он очень сердитый и памятный.

— Да как же не любоваться-то на вас, Людмила Ивановна, на красоту такую! А уж месть вашего банника я перетерплю как-нибудь, — отвечает Николай и лыбится при том просто нагло.

А мама взглянула на него так, как только она умеет на всех этих чужих мужиков смотреть.

Николай тут же встал, но как-то качнулся, запнулся за что-то или поскользнулся как-то и упал неудачно спиной и рукой, а немного даже и головой прямо на груды булыжников, что кучей тут у завалинки навалены были. Встал он, кряхтя, и, согнувшись, пошёл к себе в избу.

— Неудачно я прокаркала, и под руку, по-моему, — проговорила мама, чуть-чуть смутившись вроде, и прошла снова в баню.

Только это не весь рассказ. На другой день увезли Николая в областную больницу: повредил он серьёзно себе позвоночник, упав на булыжники у этой старой бани. Тётя Паня рассказывала маме потом, что после больницы отправили его ещё в санаторий какой-то долечиваться. Так мы Николая и не увидели больше тем летом.

А через год мама сняла дачу в другой деревне. В ту, где мы в бане парились, она тоже ездила по весне, но увидела на крылечке у тёти Пани сына её Николая и передумала. Николай сидел с костылями, борода жиденькая, в очках, сам на себя не похожий: так — старичок молоденький.

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер».

Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году.

Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году.

С тех пор издано одиннадцать книг стихов и прозы.

Печатался в журналах «Нева», «Всерусский собор», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица».

Лауреат конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» в г. Вологде.

С 2002 года член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

